

Глава 21. Перец чили (часть 3)

—

— Мне четыре шэнцзяня и два черпака фруктового напитка, — Линь Дуншань выложил на прилавок двенадцать вэней.

— Напитка как раз на один черпак осталось, — ответил Гу Танцзинь, вычерпывая для Линь Дуншаня самые остатки со дна чана.

На самом деле там выходило чуть больше одного черпака, но Линь Дуншань был постоянным покупателем, так что из-за такой мелочи никто мелочиться не стал.

Линь Дуншань принял назад один вэнь сдачи и удивленно спросил:

— Что это сегодня фруктовый напиток так махом раскупили?

Он ведь всего-то самую малость дольше обычного поспал.

— У нас сахар для него на исходе, еще дня два поторгую и всё. Вот народ и повалил, каждый хотел урвать побольше, оттого сегодня так быстро всё и разошлось, — объяснил Цзи Жунся, протягивая ему завернутые шэнцзяни.

— Ох, как же так? Больше не будете делать? Ну, тогда завтра мне точно надо прийти пораньше, — с явным сожалением пробормотал Линь Дуншань. Впрочем, продукты для этого напитка использовались отменные — он и сам это по вкусу чувствовал, так что за всё это время он и без того остался в чистом выигрыше!

От этих слов Цзи Жунся и Гу Танцзинь прониклись к постоянному покупателю еще большей симпатией.

Многие ведь, узнав, что напитка больше не будет, посчитали, будто Цзи Жунся и Гу Танцзинь перед ними кругом виноваты. Такие люди, если не могут урвать выгоду, страдают сильнее, чем если бы понесли чистый убыток. Но Линь Дуншань был совсем из другой породы.

Забрав напиток и шэнцзяни, Линь Дуншань, втянув голову в плечи, перешагнул порог соседней лапшичной и заказал порцию постной лапши.

Гуань Хунчи владел искусством замеса и раскатки теста в совершенстве. Линь Дуншань, пару раз попробовав его лапшу, успел не на шутку к ней пристраститься и последние дни неизменно брал по чаше к своему завтраку.

— А вот и постная лапша! — Гуань Сяомэй* ловко и уверенно поставила исходящую паром чашу перед Линь Дуншанем.

[*Сяомэй (小妹, xiǎomèi) — буквально «младшая сестра». Традиционное китайское обращение к младшей сестре или к самой младшей девушке в семье. В повседневной речи также используется как вежливое, теплое обращение к молодой девушке.]

Тот перехватил палочки, сперва откусил шэнцзянь, а следом подцепил добрую порцию лапши.

Один укус — и во рту разлился тот самый, идеальный вкус!

Он каждое утро только и держался за счет этого сытного, вкусного завтрака. Если с утра как следует не поест, то потом весь день нет сил работать.

Линь Дуншань шумно, со свистом уплетал лапшу, перемежая ее хрустящими шэнцзянями и запивая прохладным фруктовым напитком. От такого блаженства он аж зажмурился.

— До чего же хорошо! Жаль только, скоро этой вкуснятины не останется, — не удержался он от вздоха. Впрочем, даже он, простой работяга, понимал, что сахар в этот напиток шел недешевый, так что хозяева имели полное право закрыть лавочку, если им так рассудилось.

Сидевший с ним за одним столом дородный мужчина средних лет, услышав его слова, согласно кивнул:

— И не говори. Хорошо хоть шэнцзяни пока продают. Интересно только, долго ли? А я вот все по тем лепешкам с китайским луком скучаю.

Лепешки с китайским луком!

Линь Дуншань при одном воспоминании об их аромате сглотнул слюну. Жаль, сейчас их не допросишься.

— Брат, ты, я гляжу, тоже здесь частенько ешь? Я тебя и раньше тут видел. Завтра вот думаю прибежать ни свет ни заря, чтобы напитка побольше зацепить, — поскольку из-за дождя работы на пристани сегодня предвиделось немного, Линь Дуншань был не прочь поболтать с соседом по столу.

Мужчина хмыкнул и заговорщически ухмыльнулся:

— Да куда там «побольше»! С сегодняшнего дня на этот напиток строго в одни руки больше четырех черпаков не дают. Тц тц тц, тот по фамилии Чай хотел побольше заграбастать, так Гу-сюцай его живо на место поставил, прямо перед всей очередью развернул.

— Да ну? — Линь Дуншань уплетал лапшу, но, заметив многозначительный вид собеседника, так и замер с палочками у рта. Он подался вперед и спросил шепотом: — Слушай, брат, по твоему лицу вижу — тут явно что-то кроется, а?

— Ха! Так ведь Ляны на углу тоже шэнцзяни жарить начали, ты разве не слышал? — Мужчина, видя живой интерес Линь Дуншаня, тоже воодушевился, нагнулся к самому столу и понизил голос до шепота.

— Слышал, конечно. Я когда мимо проходил, их бабка всюю кричала. Только запах был какой-то странный, — Линь Дуншань аж подался вперед от любопытства. — Но при чем тут фруктовый напиток-то?

— Так этот Чай фулан сперва накупил шэнцзяней у лавки Лян, а потом как ни в чем не бывало притопал к Ся-гэру за напитком! Ну Ся-гэр и объявил при всех, что напитку этому осталось всего пару дней, потому как сахар для него они аж из столицы префектуры везут! А этот Чай фулан давай локтями пихаться, хотел больше купить. Ну Гу-сюцай и сказал: больше четырех черпаков никому не давать.

— Откуда ты это знаешь? — с легким недоверием прищурился Линь Дуншань. Уж больно гладко все выходило, не выдумал ли часом этот почтенный половину от себя?

— Эй, эй, ты мне не веришь?! Да этот Чай фулан потом сам на каждом углу кричал! Плюется, на чем свет стоит кости перемывает Гу-сюцаю и Ся-гэру, мол, те приметили в его корзине шэнцзяни из лавки семьи Лян и нарочно против него сговорились. Мелочными их обзывает. А про шэнцзяни из лавки Лян говорит, будто это божественная еда, — мужчина всплеснул руками, возмущаясь чужой глупости.

Линь Дуншань, прихлебывая лапшу, спросил:

— И что, неужто кто-то из отведавших те шэнцзяни подтвердил, что они и впрямь так хороши?

Сам-то он по запаху понял, что невкусно, но каковы они на вкус, все же не знал.

— Да кто его знает, — мужчина покачал головой.

Те, кто спозаранку приходил в переулок Уцью поесть лапши, обычно сильно не экономили, и если им хотелось шэнцзяней, они без лишних раздумий брали их тут же, у соседнего прилавка, не экономя на еде.

Линь Дуншань подумал про себя, что ему действительно любопытно узнать, какой вкус у этих шэнцзяней, но это любопытство длилось лишь мгновение, и вскоре он уже полностью погрузился в свой вкусный завтрак.

Рассчитавшись за завтрак, парень под мелкой водяной моросью зашагал к выходу из города.

Но не успел он дойти до самого начала переулочка Уцью, как до его ушей донеслись яростные, визгливые крики и шум разгорающейся перепалки.

— Да в ваших шэнцзянях одни капустные кочерыжки жесткие, аж зубы сводит! Мяса там — кошке на один зуб не хватит! И за это вы смеете драть один вэнь?! Да за один вэнь можно половину сытного маньтоу из грубой муки купить!

— Наш товар и на масле жарится, и мука там, и мясо настоящее! Один вэнь — это мы еще по совести, себе в убыток торгуем! Где это видано, чтобы надкусанную еду назад приносили да деньги требовали? Я тебе товар чистым дала, а ты с ним по всей улице ходила, кто знает в какую грязь макала, а теперь мне его назад суешь?!

— Да мой сынок всего один раз откусил, остальные вообще нетронутые лежат! Это у тебя руки грязные, старая ты карга! Живо давай деньги назад!

...

Линь Дуншань замедлил шаг и вытянул шею, пытаясь разглядеть сквозь толпу зевак, что там стряслось. Все равно он сегодня припозднился, так что не имело значения, если он придёт на пристань немного позже, чтобы найти работу.

В центре круга стояла высокая женщина, яростно тряся широким листом, на котором сиротливо жались девять мелких, но абсолютно целых шэнцзяней.

Она теперь локти себе кусала от досады: позарилась на низкую цену и хапнула сразу десяток. Принесла домой, а сынишка стоило один раз откусить — наотрез отказался это есть! Внутри оказались одни жесткие капустные обрубки, мяса почти нет, да и вкус оказался куда хуже обычных овощных баоцзы!!!

Свекор со свекровью тут же принялись ее корить, мол, только и умеет, что на мелкую выгоду бросаться, вот и выбросила деньги на ветер, а ребенок голодным остался.

Сын и так воспитывался свекрами и к родной матери особой лаской не отличался, тут она решила порадовать ребёнка, а тот отказывается это есть!

В полном исступлении она подхватила остаткистряпни и помчалась обратно к лавке. Даже если деньги вернуть не удастся, она эту паршивую лавочку Лян перед всем народом так ославит, что им тошно станет, иначе она не сможет проглотить это оскорбление!

— Ах, не вернешь, значит?! Ну-ка, люди добрые, гляньте, посмотрите все, чем эти хваленые мастера людей кормят! — Женщина схватила один шэнцзянь и с силой разломала его пополам, вываливая наружу месиво из жестких капустных листьев и серой мясной крошки. Она ткнула пальцем прямо в начинку: — Любуйтесь! Да тут не то что начинка — дрянь, тут само тесто внутри сырое, жидкое еще! Я ведь думала, раз у семьи Лян лавка с маньтоу столько лет стоит, так руки у них из нужного места растут, оттого и купила. Кто ж знал, что они обычные жареные баоцзы до ума довести не способны!

— А ну заткни свой рот! — Лян Дафэн, видя, как эта баба на глазах у всех втаптыкает в грязь репутацию их лавки, мгновенно озверел и со свирепым видом двинулся прямо на женщину.

— Ты что, поднять на меня руку вздумал?! — Женщина ничуть не испугалась, лихо подбоченилась и с размаху уселась прямо в дорожную грязь. — А ну давай, бей! Бей, посмотрим, хватит ли у тебя духу!

Стоило ей разыграть эту сцену, как Лян Дафэн в нерешительности замер, не смея сделать ни шагу вперед. Зато старуха Лян, сообразив, к чему идет дело, тут же захлопала себя по бедрам и завывала на весь переулок:

— Ой, люди добрые, что ж это делается! Мы, семья Лян, столько лет честную торговлю ведем, за что же нам эта ведьма черноголовая на голову свалилась! Это ж чистая погибель моя, извела меня, старую-у-у!

Крики и ругань стояли невообразимые, но Линь Дуншань, присмотревшись, заметил, что у старухи Лян в глазах не было ни единой слезинки.

Вскоре на шум прибежал муж той женщины и с позором утащил её домой.

Линь Дуншань досмотрел это представление с превеликим удовольствием и пошагал дальше.

Тем временем в ресторане семьи Гу.

Цзи Жунся и Гу Танцзинь как раз заканчивали мыть использованные за утро бамбуковые стаканы и тяжелую чугунную сковороду.

Тут через открытую заднюю дверь во двор, забавно семеня ножками, влетела Гуань Сяомэй.

Гуань Сяомэй было всего десять лет. Она была маленькой и проворной, как умная обезьянка. На ней не было ни дождевика, ни зонта, только большая соломенная шляпа.

— Брат Гу, брат Цзи!

— Ты чего это прибежала? Осторожнее, под ногами скользко, — предостерег ее Гу Танцзинь,

видя, с какой скоростью девчушка несется по двору.

— Меня старший брат послал, велел вам новости поскорее принести! — едва оказавшись под навесом, девочка без умолку, взхлеб принялась пересказывать утреннее побоище у лавки семьи Лян.

Гу Чуньцай и Яо Тяньлань как раз спускались со второго этажа и краем уха услышали весь этот бурный отчет. Хотя они и пропустили начало, общая суть до них дошла без труда.

Цзи Жунся с улыбкой протянул маленькой девочке два пышущих жаром шэнцзяня:

— Держи, проголодалась, небось.

Девчушка звонко поблагодарила его и, счастливая, упорхнула обратно.

Глядя на ее живой, искрящийся задор, Цзи Жунся невольно рассмеялся.

Ни Гу Танцзинь, ни Цзи Жунся и подумать не могли, что им даже пальцем шевелить не придется — семья Лян сами себя в лужу посадят и лавку опозорят.

— Вот видишь, в кулинарном деле всё решает мастерство. Ся-гэр, когда твое мастерство окрепнет и дела пойдут в гору, от желающих перенять твои приемы да выведать рецепты отбою не будет. Главное — пока они не опускаются до грязных, подлых уловок, тебе и в голову брать это не стоит, — наставительно произнес Гу Чуньцай.

Цзи Жунся послушно кивнул:

— Понял, отец. А что, вам с матушкой тоже доводилось с подобным сталкиваться?

— Помню, когда мне было лет пять-шесть, кто-то повадился подбрасывать дохлых жуков в наш бараний суп, а один раз, улучив момент, когда во дворе никого не было, и вовсе выплеснули под окна целое ведро нечистот, — объяснил Гу Танцзинь.

— Что?! — от такой низости Цзи Жунся аж глаза округлил.

Если так посмотреть, то ситуация с семьей Лян не имеет никакого значения.

Облить двор помоями и фекалиями — это же верх подлости! Даже если потом всё дочиста выскрести и вымыть, у покупателей все равно на душе осадок останется. А вдруг побрезгуют и больше ни ногой в ресторан?

Яо Тяньлань со смехом подхватила:

— Ох, я тогда от злости места себе не находила! Лавка несколько дней пустая стояла, а поймать за руку никого не могли. Так мы с твоим отцом до того рассвирепели, что решили дежурить по очереди. Каждую ночь прямо во дворе на лавках спали, пока наконец не сцапали паршивцев. Те, видать, смекнули, что пакость сработала, и решили повторить.

— И кто же это был? Чьих рук дело? — сгорал от любопытства Цзи Жунся.

— Да ты их и не знаешь, они давно уже съехали отсюда. Тоже лавку съестную держали, — ответил Гу Танцзинь.

Яо Тяньлань добавила:

— Так что не исключено, что и вам на веку еще придется с чем-то таким столкнуться. Главное — не робейте, держите спину прямо.

Цзи Жунся упёр руки в бока и звонко отчеканил:

— Да чего тут робеть! Главное — чтоб до такой мерзости не опускались, а остальное мы переживем.

Честной, открытой борьбы он не боялся, но вот мысли о нечистотах вызывали отвращение.

— Ну ладно, хватит об этом, а то от таких разговоров весь аппетит пропадет, — с улыбкой прервала их Яо Тяньлань, созывая всех к столу.

После еды дождь прекратился, воздух стал влажным, а из-за солнца стало немного душно.

В течение следующих нескольких дней дождь шел каждую ночь и каждое утро. Половину дня солнечно, другую половину идет дождь, отчего сырость пропитала каждый угол.

Лавка семьи Лян после того позорного скандала хоть и пыталась еще торговать шэнцзянями, но дела у них шли из рук вон плохо — от силы тридцать штук в день удавалось сбыть, прибыли никакой, одни убытки. Через несколько дней семья Лян полностью прекратила продажу шэнцзяней.

Фруктовый напиток у супругов Гу продержался еще три дня, после чего Цзи Жунся и Гу Танцзинь, как и обещали, полностью прекратили его продажу. Одной заботой стало меньше, и теперь у них на рассвете оставалось немного свободного времени, чтобы поухаживать за огородными грядками, где уже вовсю пошли в рост первые огурцы и дружно проклюнулась рассада таро. И пусть их ежедневный доход стал меньше на несколько десятков вэней, утренний лоток успел обзавестись солидным кругом постоянных едоков. За счет одних только шэнцзяней и дяочжабинов они стабильно клали в кошель около ста пятидесяти вэней в день.

Все эти дни Цзи Жунся каждую ночь без устали трудился в системном пространстве, разделывая свиные туши.

И вот наконец на восьмые сутки это масштабное задание было полностью завершено!

Поздней ночью, вернувшись в реальность, Цзи Жунся сидел на краю постели, бережно держа в ладонях спелый, огненно-красный стручок перца чили «сяомиля»*, и завороченно шептал:

— Какая же красота...

[*Перец чили Сяомиля (Xiaomila / 小米辣) — это один из самых популярных и жгучих сортов китайского перца чили, который переводится как «рисовый чили». Его название связано с небольшим размером стручков, напоминающих крупные рисовые зерна. Мелкие, тонкие стручки длиной около 2-4 см. В зрелом состоянии имеют ярко-красный цвет.]

— Маленький, ярко-алый... По форме он весьма напоминает плоды кизила, — Гу Танцзинь тоже взял один стручок, с любопытством разглядывая диковинку. Созревшие ягоды кизила были более округлыми, пухлыми, этот же перец оканчивался задорным, острым хвостиком.

Цзи Жунся поднес «сяомиля» к самому носу, принялся, но никакого особого или резкого аромата не уловил.

— Интересно, каков он на вкус, — пробормотал он и, проявив похвальную осторожность, откусил самый крошечный, едва заметный кусочек с кончика перца.

Цзи Жунся: — ...

Цзи Жунся: — !!!

—

<http://bllate.org/book/17885/1726919>